

Х. «Кровавая неделя» в Париже. – Прибытие парижских коммунаров в Швейцарию. – Бакунин и его отзыв о Парижской Коммуне. – «Ответ интернационалиста Мадзини». – Подготовительные работы

В понедельник 22-го мая газеты принесли известие что версальские войска овладели воротами Сен-Клу и, таким образом, проникли в Париж. Началась медленная и мучительная агония Парижской Коммуны. Целую неделю парижские коммунары защищались с мужеством отчаяния против нападавших версальцев. Им ничего не оставалось делать, как только умереть, так как Тьер и главнокомандующий войсками, боровшимися против Коммуны, генерал Винуа, отдали приказ истреблять без жалости всякого участника Парижской Коммуны. Члены Совета Коммуны предлагали принести себя в жертву победителям, если этим возможно остановить ужасы бойни, но скоро они убедились в невозможности подобной развязки. Торжествовавшая буржуазия не знала жалости; пушки беспрерывно грохотали над побеждённым уже Парижем, картечь сыпалась проливным дождём над рабочими кварталами, коммунары отступают, версальцы организуют систематическую резню: пленных расстреливают митральезами, связывая вместе по 10, 15,

20 и даже по 40 человек. Пленные люди всех возрастов, всякого звания, взятые случайно на улицах, в домах, шедшие по своим делам женщины, дети, – всех ставят в два ряда, связывают вместе и картечью скашивают в общую кучу. Те, которые ещё шевелятся, приканчиваются ударами штыков.

Горе тому, кто лицом или фигурой походил на члена Коммуны или являлся однофамильцем такового: его немедленно постигала смерть; горе каждому, проявлявшему некоторую жалость или отвращение при виде ужасных сцен: его тотчас же постигала та же участь. К концу кровавой недели ряды членов Коммуны сильно поредели. Большинство видных членов Коммуны были убиты на баррикадах или расстреляны версальцами. 28-го мая, в воскресенье, весь Париж был уже в руках версальцев и остатки сопротивлявшихся коммунаров были добиты на кладбище Пер-Лашез. В воскресенье 28-го был захвачен версальцами и последний защитник Коммуны, и её энергичный деятель, Варлен. На протяжении всего пути Варлен подвергался побоям со стороны толпы и тех, кто его вёл; в конце концов принуждены были его нести, так как он совершенно изнемог от всех этих жестокостей. Затем он был расстрелян. Так погиб этот скромный и преданный работник, член Интернационала, один из самых деятельных, честных и самоотверженных членов Коммуны.

8-го мая Тьер торжествовал свою победу; он телеграфировал по всей Франции: «Земля покрыта трупами; это ужасное зрелище послужит уроком».

Поражение Парижской Коммуны глубоко взволновало всех интернационалистов, видевших в Коммуне зарю новой жизни и торжество идей международного социализма.

Великая трагедия французского пролетариата не остановила злостной работы женевских членов Интернационала, объявивших поход против Бакунина и его сторонников. В марте 1871 года Утин, Перре и их товарищи усердно отыскивали способ как бы совершенно освободиться от секции Альянса и исключить её из Интернационала. На одном из публичных собраний всех женевских секций они вдруг заявили, что женевская секция «Альянс социалистической демократии» никогда не была принята Главным Советом в Интернационал. Когда же секретарь секции Альянса, Жуковский, в ответ на эти клеветы, опубликовал в газетах два письма, написанных от имени Главного Совета Эккариусом и Юнгом, и извещавших женевскую секцию Альянса о приёме её в Интернационал, то Утин и его друзья заявили, что эти письма *подложные*, причём они ссылались, что это подтверждает одно лицо, бывшее в Лондоне и которому в Главном Совете сказали, что подобных писем Главный Совет женевской секции Альянса никогда не посылал.

Таким осведомленным лицом оказалась некая госпожа Дмитриева, знакомая. Утина и Маркса. Дмитриева, известная в кружках под именем гражданки Элизы, была фанатической поклонницей Маркса и не называла его иначе, как *современный Моисей*. Зимой 1870-71 года она провела в Лондоне несколько недель, и затем вернулась в Женеву, снабженная, вероятно, соответствующими инструкциями. Именно, вскоре после её приезда из Лондона и был поднят снова вопрос об Альянсе и было объявлено на общем собрании женевских секций о том, что Альянс не был никогда принят в Интернационал.

Но, недостаточно было в ответ на опубликование двух писем Главного Совета секции Альянса объявить, что эти письма подложны. Нужно было представить ещё доказательства. Для этого секретарь бывшего Федерального Совета Романской Федерации, Генри Перре, обратился за подтверждением в Лондон.

Что произошло в Главном Совете Интернационала в Лондоне по этому поводу, мы можем узнать из документа, составленного в 1872 году членом Главного Совета Полем Робеном, и носящем название: «Оправдательная Записка». В этом документе Робен правдиво передаёт о своём пребывании в Главном Совете и, между прочим, пишет:

«Я приехал в Лондон в октябре 1870 года... как только я отыскал себе небольшой заработок, я был представлен Марксом всем членам Главного Совета и был избран единогласно в Главный Совет. В течение нескольких месяцев я, ещё не освоившись с английским языком, мало принимал участия в работах Совета... Живя в Лондоне, я очень редко вспоминал о расколе, происшедшем между швейцарскими секциями, тем более, что с началом войны почти ни одно письмо, ни один номер газеты не получались из Швейцарии. Но, всё-таки я раз или два мельком говорил с Марксом об этом расколе, считая это дело уже поконченным. Я даже рассчитывал на его влияние чтобы помочь мне внести полное умиротворение в Швейцарии. Вот почему, когда стало возможно возобновить письменные сношения с моим другом Гильомом, прерванные событиями 1871 года... и когда я стал получать от него письма, я был настолько наивен, что многие письма Гильома давал читать Марксу. Но тогда я уже по многим уклончивым ответам Маркса стал догадываться, что в его душе не остыла ещё вражда и злоба. Но, я продолжал всё ещё думать, что Маркс, всё-таки будет справедлив и корректен по отношению к другим лицам, не разделяющим его идеи.

В начале марта месяца 1871 года я случайно познакомился в Главном Совете с письмом секретаря Женевского Федерального Комитета Романской Федерации, Перре. В этом письме Перре подробно описывал бурное заседание Комитета, на котором сторонники и враги Альянса горячо спорили друг с другом. Последние, ссылаясь на слова гражданки Элизы[64], – только что вернувшейся из Лондона, от Маркса, – утверждали, что Альянс социалистической демократии никогда не был принят в Интернационал, как секция. Тогда один из членов Альянса[65] представил собранию два официальных письма от Главного Совета, подтверждавших приём секции Альянса в Интернационал. В ответ на это противники Альянса заявили, что эти письма подложны. В конце письма Перре просил Главный Совет немедленно же подтвердить подлинность этих писем.

Вопрос был вполне ясен. Нужно было только сказать *да* или *нет* относительно подлинности писем, о которых шла речь. Однако, Главный Совет почему-то уклонился от прямого и определённого ответа и по истечении пяти недель с момент получения письма Перре Совет не нашёл времени послать ответ.

Почти в это же время я получил из Швейцарии, от одного своего друга, в свою очередь, письмо, в котором он, между прочим, описывал события и говорил о нападках Утина... Я тотчас же написал в Швейцарию письмо, в котором просил прислать мне копии двух писем Главного Совета, считавшихся, Утиным и его друзьями подложными. Я получил эти копии, я

решил сделать в Главном Совете запрос относительно их подлинности, так как я стал подозревать, что ложные сведения относительно этих писем дал гражданке Элизе сам Маркс. Однако, всё ещё желая верить в порядочность Маркса, я убеждал себя, что сам Маркс был кем-нибудь введен в заблуждение, и я думал, что на общем заседании Главного Совета можно будет выяснить это недоразумение.

Однако, Главный Совет под предлогом разбора более срочных дел, откладывал рассмотрение моего запроса. Несмотря на всё моё желание не видеть в этом злого умысла, я не мог не заметить, что отказы с каждым новым разом становились все категоричнее. Между тем, от Юнга я узнал, что он послал ответ Перре на его запрос, но не в категорической форме *да* или *нет*, а в неопределенном смысле, ссылаясь на то, что Совет *не имел времени разрешить этот вопрос*.

Спустя ещё несколько недель, на одном из заседаний Совета, я снова стал настаивать на выяснении вопроса о подлинности писем о приёме в Интернационал женевской секции Альянса. Тогда, первый министр Маркса, гражданин Энгельс[66], мне сказал, что Совет решил в непродолжительном времени созвать конференцию, на которой вопрос о швейцарских делах будет рассмотрен и поэтому я должен подождать. Я понял, что со мной хитрят и хотят провести, поэтому я сказал Энгельсу, что я требую не разбора всего конфликта, а только просто хочу выяснить были ли посланы действительно Главным Советом письма женевской секции Альянса, или же эти письма, на самом деле, являются подложными. Я тотчас же после этого прочитал полученные мной копии этих писем, содержание которых было следующее:

1) «256. Хай-Хольборн. Лондон W. C. 28-го июля 1869 г.

«Секция Альянса социалистической демократии в Женеве.

Граждане!

Имею честь Вас уведомить, что ваши письма или декларации, а равно программа и регламент нами получена, и что Главный Совет единогласно принимает вас.

За Главный Совет, Генеральный Секретарь

Ж. Г. Эккариус.

2. Гражданину Хенгу, секретарю секции Альянса социалистической демократии в Женеве.

Граждане!

Я получил Ваше письмо с приложением суммы 10 франков 40 сантимов представляющую взнос за 104 члена за 1868-1869 год...

В надежде, что Вы активно будете пропагандировать идеи нашей ассоциации, примите, дорогой гражданин Хенг, а также и все друзья, мои братские приветствия.

Г. Юнг.

Секретарь по делам Швейцарии в Главном Совете.

24 августа 1869».

После этого я поставил следующие два вопроса:

1) Действительны ли эти письма?

2) Было ли после 25-го августа 1869 года (дата последнего письма) постановление Главного Совета о том, чтобы исключить секцию Альянса из Интернационала?

Юнг, который председательствовал на заседании, в ответ на мои вопросы долго рассказывал историю одного письма, которое он написал Гильому после раскола в Шо-де-Фоне и на которое он не получил ответа. Я ему уже говорил раньше о причинах, почему Гильом не ответил на письмо, но он счёл нужным рассказать ещё раз всю эту историю. В конце концов, Юнг кончил свою речь тем, что он признался, что он действительно писал второе из вышеуказанных писем (что служит в то же время доказательством того, что первое письмо тоже не *подложно*). Энгельс, со своей стороны, начал также какую-то бессвязную речь, но после различного рода отступлений и уклонений в сторону, признал, что невозможно отрицать действительность обоих писем.

Тогда я поставил в ответ на первый вопрос: *да*.

В ответ на второй вопрос Энгельс снова начал плести какую-то бессмыслицу и, обращаясь ко мне, сказал: «нужно подождать созыва конференции» и т. п.

Чего же ждать, отвечал я, вопрос очень прост: был ли Альянс исключён из Интернационала? – Да, или нет?

В этот момент вмешался Маркс: «Альянс не вносил свои членские взносы», – сказал Маркс.

Хорошо, отвечал я, в ответ на второй вопрос я напишу: *нет, – но альянс не состоит в Интернационале фактически, так как он не платил свой членский взнос*. (Известно, что из двадцати секций, по меньшей мере девятнадцать также не вносили своих взносов, но, тем не менее, не считались исключёнными).

Нет, не так, – Сказал Маркс.

Как же я должен написать?

Напишите – *нет*, но весь этот вопрос решит конференция (sic!)

Я написал против второго вопроса ответ: нет и передал листок секретарю, чтобы скрепить его подписью и приложить печать Совета.

Дайте мне взглянуть, сказал Маркс; это ещё новая махинация против наших друзей, – проговорил он, рассматривая мой листок; в Женеве есть *русская* секция, которую я должен об этом предупредить (!)

Какие комментарии можно прибавить к этому?

Листок с двумя приведёнными выше вопросами и с полученным ответом был написан в двух экземплярах: один предназначался для Альянса, а другой для женевского федерального комитета. Отдельными письмами обе организации извещались, что та и другая получает по копии, Маркс, по-видимому, был очень взволнован всем происшедшим. Великий человек, привыкший к тому, чтобы действовать авторитетно и не встречать противоречий, был как бы поражён всем происшедшим. Он был уличён во лжи и его поступок был зафиксирован на бумаге. Мне было неприятно видеть Маркса, этого большого социалистического философа таким мелким человеком...»

Полученный таким образом ответ Главного Совета был переслан Робеном в Швейцарию по назначению. Вместе с этим Робен извещал своих швейцарских друзей, что Главный Совет решил созвать вместо общего конгресса Интернационала конференцию в Лондоне. Когда было получено известие от Робена о том, что Альянс не исключён из Интернационала, Бакунина уже не было в Романской Швейцарии, он снова уехал в Локарно, где жила его семья. Решив временно не участвовать практически в движении, Бакунин всё своё время посвящал писанию своей книги «Кнута-Германская Империя и Социальная Революция». Мы уже говорили, что в апреле 1871 года вышла из печати первая часть этого сочинения. В июне месяце он уже закончил введение ко второй части. В этом «введении»[67] мы находим очень ясное изложение двух течений, которые в то время намечались в социализме, а также и взгляд Бакунина на историческую роль Парижской Коммуны. По поводу двух течений в социализме, одно из которых Бакунин называл «социалистическим и революционно-коллективистским», а другое «авторитарно-коммунистическим», Бакунин говорит:

«Я – фанатический приверженец свободы, видящий в ней единственную среду, где может развиваться и процвести ум, достоинство и счастье людей, не той формальной свободы, жалованной, размеренной и регламентированной государством, которая есть вечная ложь и которая в действительности представляет не что иное, как привилегию избранных, основанную на рабстве всех остальных...

Нет, я имею в виду одну свободу, достойную этого имени, предоставляющую полную возможность развить все способности интеллектуальные и моральные, скрытые в каждом человеке, свободу, не признающую иных ограничений, кроме предписанных законами нашей собственной природы...

Я имею в виду свободу каждого, которая, входя в соприкосновение с свободой других людей, не останавливается перед ней, как перед предельным рубежом, но, напротив, находит в свободе других своё подтверждение и возможность расширяться до бесконечности; я имею в виду свободу каждого отдельного индивида, не ограничиваемую свободой всех, свободу в солидарности, свободу в равенстве; свободу восторжествовавшую над грубой силой и над принципом авторитета – неизменным идеалом этой силы; свободу, которая, ниспровергнув всех небесных и земных идолов, положит основание новому миру,—миру человеческой солидарности на обломках всех церквей и всех государств.

Я убеждённый сторонник *экономического социального равенства*, так как я знаю, что вне этого равенства свобода, справедливость, человеческое достоинство, нравственность и благосостояние отдельных лиц, так же, как и процветание целых наций, – есть ложь. Притом, будучи приверженцем свободы, этого первого условия человечности, я думаю, что равенство должно быть установлено в мире путём добровольной организации труда и коллективной собственности, путем, промышленных ассоциаций в коммунах и посредством добровольной же федерации коммун, – но отнюдь не через верховную и покровительственную власть государства.

Это тот пункт, в котором принципиально расходятся социалисты-коллективисты, сторонники сильной власти и абсолютной инициативы государства с федералистами и коммунистами[68]. У них одна цель: и та и другая партия стремятся к созданию нового социального строя, основанного исключительно на коллективном труде, самой силой вещей равномерно распределённом между всеми без исключения членами общества, при равных для всех экономических условиях, т. е. при условии коллективной собственности на орудия труда. Только социалисты-коллективисты воображают, что они смогут прийти к этому путём развития и организации политического могущества рабочих классов, в особенности городского пролетариата, рука об руку с буржуазным радикализмом, между тем как коммунисты-федералисты, враги всякого смешения и всякого двусмысленного союзничества, думают, наоборот, что они достигнут этой цели путём развития и организации не политического, но социального, следовательно, анти-политического могущества рабочих масс, как городских, так и сельских, включая сюда также людей, хотя и принадлежащих по рождению к высшим классам, но добровольно порвавших со всем своим прошлым и открыто присоединившихся к пролетариату, приняв его программу.

Отсюда два различных метода. Социалисты-коллективисты думают, что нужно организовать силы рабочих, чтобы овладеть политическим могуществом государств. Социалисты-федералисты организуются, имея целью уничтожение, или, если хотите более мягкое выражение, ликвидацию государства. Коллективисты – сторонники принципа и применения авторитета, социалисты же – федералисты верят только в свободу. Те и другие – ровно поклонники науки, долженствующей убить суеверие и заменить собой веру; но при этом первые находят возможным уничтожить предрассудки и насаждать знание посредством декретов, между тем как вторые непосредственно заботятся о распространении наук, из сокровищницы которых каждый черпает то, к чему чувствует склонность, пропагандируют добровольную и свободную организацию в группы и федерации, опять-таки в полном согласии с природными склонностями и насущными интересами, но отнюдь не по заранее начертанному плану, предписанному невежественным

массам несколькими высшими умами.

Социалисты-федералисты думают, что в инстинктивных стремлениях и реальных нуждах народных масс гораздо больше осмысленного и практического разума, чем в глубоком уме всех этих благодетелей и учителей человечества, которые, имея пред собой печальный пример стольких неудавшихся попыток – сделать человечество счастливым, мечтают ещё о возможности вложить в это дело свои усилия. Социалисты же федералисты думают, наоборот, что человечество достаточно долго, даже слишком долго позволяло управлять собой, и что источник его несчастья заключается не в той или иной форме правления, а в самом принципе существования правительства, каково бы оно ни было.

Это разногласие, между коллективизмом, научно изложенным немецкой школой и американскими социалистами, с одной стороны, и прудонизмом, широко развитым и доведённым до последних выводов, принятым пролетариатом латинских стран, – с другой, стало под конец историческим[69]. Революционный социализм только что сделал попытку первого блестящего практического выступления в Парижской Коммуне».

Далее, Бакунин, говоря о парижской коммуне, указывает, что в коммуне столкнулись оба вышеназванных направления, при чём социалисты-революционеры, члены Интернационала, были в меньшинстве в Совете Коммуны, а «якобинцы» – сторонники власти, составляли большинство.

«Я, говорит Бакунин, сторонник Парижской Коммуны, которая, будучи подавлена, утоплена в крови палачами монархической и клерикальной реакции, сделалась через это более жизненной, более могучей в воображении и в сердце Европейского пролетариата; я – сторонник Парижской Коммуны в особенности потому, что она была смелым, ясно выраженным отрицанием Государства.

Что это практическое отрицание Государства имело место именно во Франции, бывшей доселе по преимуществу страной политической централизации, и именно в Париже, в историческом центре той великой французской цивилизации, которая и положила начало отрицанию государства, – это факт громадной исторической важности...

Парижская Коммуна существовала слишком недолго и была слишком стеснена в своём внутреннем развитии смертельной борьбой, которую ей приходилось выдерживать против Версальской реакции, чтобы быть в состоянии, я уже не говорю, применить, но хотя бы выработать теоретически свою социалистическую программу. К тому же большинство членов Коммуны не были социалистами по убеждению, а если они считались таковыми, то лишь потому, что они были вовлечены в социализм непреодолимой силою вещей, самую природою среды, в которой они вращались. Социалисты, во главе которых естественно пришлось стать нашему другу Варлену, составляли в Коммуне очень незначительное меньшинство... Большинство составляли «якобинцы». Но нужно оговориться, что есть якобинцы и якобинцы. Есть якобинцы адвокаты и доктринеры, как Гамбетта... и есть якобинцы, непримиримые революционеры, герои, последние могикане демократической

веры 1793 года, готовые скорее пожертвовать единством власти ради нужд революции, чем поступиться своей совестью перед наглостью реакции. Эти великодушные якобинцы, во главе которых стоял Делеклюз, великая душа и сильный характер, хотят прежде всего торжества революции; а так как никакая революция невозможна без участия народных масс и так как эти массы, руководимые бессознательным социалистическим инстинктом, в настоящее время могут произвести только экономическую и социальную революцию, то правоверные якобинцы, постепенно увлекаемые логикой революционного движения, кончают тем, что делаются социалистами, сами не отдавая себе отчёта в этом.

Именно таково было положение якобинцев, принявших участие в Парижской Коммуне. Делеклюз и многие другие вместе с ним подписывались под программами и прокламациями, общий смысл и обещания которых были положительно социалистичны. Но так как, несмотря на все свое чистосердечие и самоотверженность, они были социалистами поневоле, а не по убеждениям, и так как у них не было ни времени, ни возможности победить и уничтожить в себе массу буржуазных предрассудков, стоявших в роковом противоречии с их практическим социализмом, то само собой станет понятным, почему утомленные этой внутренней борьбой, они не оказались способными ни возвыситься над большинством, ни принять одну из тех решительных мер, которые порвали бы навсегда их солидарность и все их связи с миром буржуазии.

Это было величайшим несчастьем и для Коммуны, и для них самих; они были обессилены этим противоречием и обессилили Коммуну. Но нельзя ставить им в упрёк эту ошибку: люди не перерождаются в один день, не изменяют своей натуры и своих привычек по первому желанию. Они доказали свою искренность, отдав за Коммуну свою жизнь. Кто осмелится требовать большего?!..

Им это тем более простительно, что сам парижский народ, под влиянием которого они мыслили и действовали, был социалистом более по инстинкту, чем по идее или строго обдуманному убеждению.

Все его практические тенденции были в высшей степени социалистичны, но его идеи, его традиционные понятия стоят далеко ниже этого уровня. У пролетариата больших городов Франции так же, как и у парижского пролетариата, есть ещё много якобинских предрассудков: о спасительности диктатуры и проч. Культ власти, роковой продукт религиозного воспитания, этот первоисточник всех исторических зол, народной испорченности и порабощения, ещё не был дискредитирован и искоренён из его сознания. Это до такой степени верно, что даже наиболее интеллигентные сыны народа, самые убежденные социалисты не в состоянии окончательно отрешиться от этого предрассудка. Загляните поглубже в сердце каждого из них, и вы там найдете якобинца, сторонника государства, правда, скромно притаившегося в каком-нибудь тёмном уголке, но все же не совсем ещё умершего. Как следствие этих причин, положение немногочисленных убеждённых социалистов, принимавших участие в Коммуне, было чрезвычайно трудно. Не чувствуя под собою почвы в поддержки значительного большинства парижского населения, секция Интернационала, плохо организованная, едва насчитывавшая в своих рядах несколько тысяч человек, должна была выдерживать ежедневную борьбу с якобинским большинством. И при том при каких обстоятельствах! Она должна была организовывать,

вооружать, давать работу и хлеб нескольким сотням тысяч рабочих на пространстве такого огромного города, как Париж, притом осаждённого и угрожавшего с одной стороны голодом, а с другой – происками со стороны реакции, прочно утвердившейся в Версале, с *разрешения и по милости Пруссиков*. Правительству и Версальскому войску они были вынуждены противопоставить революционное правительство и войско, т. е. чтобы одолеть монархическую и клерикальную реакцию, они должны были, забыв и поступившись первыми условиями революционного социализма, прибегнуть к якобинской реакции.

Я знаю, что очень многие социалисты, весьма последовательные в своих теориях, упрекают наших парижских друзей в том, что они выказали себя в недостаточной мере социалистами в своих революционных действиях; в то же время все крикуны буржуазной прессы, наоборот, обвиняют их в «преступной последовательности» в деле осуществления социалистической программы. Оставив пока в стороне гнусных доносчиков этой прессы, я должен заметить по адресу строгих теоретиков социализма, что они неправы по отношению к нашим парижским товарищам, потому что теории, даже самые разработанные, отделяются от их практического осуществления бесконечным пространством, которое в несколько дней не перешагнёшь.

Если кто имел, например, счастье знать Варлена, в гибели которого теперь уже нельзя, к несчастью, сомневаться, тому достаточно только напомнить его имя, чтоб показать, сколько в нём и в его друзьях было пламенной, глубокой и продуманной социалистической убеждённости. Для тех, кто знал их близко, это были люди, энтузиазм, самоотверженность и искренность которых были вне всякого сомнения. Но именно потому, что они были людьми честными, лишёнными самомнения и высокомерия, их дееспособность и была парализована сознанием громадного дела, которому они посвятили и душу свою и жизнь! Кроме того, по их глубокому убеждению, в деле социальной революции, диаметрально противоположной во всём революции политической, действие отдельных лиц были почти ничем, а самостоятельная деятельность масс должна была быть всем. Разработать, осветить и распространить идеи, отвечающие народному инстинкту, и своими непрестанными усилиями придать революционной организации стихийную мощь народного движения – вот всё, что могут сделать отдельные лица, и ничего более; всё остальное должно и может быть сделано только самим народом. Думай они иначе, они неизбежно пришли бы опять к политической диктатуре, т. е. к восстановлению государства, к привилегиям, неравенству, и пришли бы хотя обратным, но логическим путем к восстановлению политического, социального и экономического рабства народных масс...

Вопреки убеждению авторитарных коллективистов, – по моему, совершенно ошибочно, что социальная революция может быть предписана и организована при посредстве диктатуры или учредительного собрания, как естественное следствие политической революции, наши друзья, парижские социалисты, думали, что социальная революция может быть совершена и руководима самостоятельным действием, исходящим из народных масс, групп и ассоциаций.

Наши парижские товарищи были тысячу раз правы. Потому что, в самом деле, какой ум настолько гениален, или – если хотят говорить о коллективной диктатуре, хотя бы состоящей из нескольких сотен лиц, одарённых высшими способностями, – какая

комбинация интеллектов могла бы быть настолько целесообразной, чтобы обнять бесконечное множество и разнообразие реальных интересов, убеждений, желаний и потребностей, составляющих в сумме коллективную волю народа, и чтобы изобрести социальную организацию, могущую удовлетворить всех? Эта организация будет всегда Прокрустовым ложем, на котором насилие, более или менее санкционированное государством, заставило бы улечься несчастное общество. Так было до сих пор. И именно этой старой системе организации, основанной на насилии, социальная революция должна положить конец, предоставив полную свободу массам, группам, коммунам, ассоциациям, а также и отдельным индивидам, и уничтожив раз навсегда историческую причину всякого насилия – самое существование государства, падение которого увлечёт за собой все несправедливости юридического права и всю ложь различных культов, так как это право и эти культы всегда были ничем иным, как услужливой санкцией всяких насилий, нравственных и физических, осуществляемых и поддерживаемых государством[70]».

Бакунин, как мы видим из приведённой цитаты, видел в Парижской Коммуне первую попытку осуществления чисто народного социализма, который стремится заменить централизованное политическое Государство федерацией свободных и автономных коммун. Бакунин считал своим долгом защищать как саму Парижскую Коммуну, так и её борцов. Вот почему он, вскоре после того, как им были написаны вышеприведенные строки, вошёл в полемику с знаменитым итальянским революционером Мадзини, который весной 1871 года в своей газете «Народный Рим», в ряде статей нападал на Парижскую Коммуну, обвиняя её в атеизме и социализме. В июле месяце Мадзини напечатал статью против Интернационала, в которой он предостерегал итальянских рабочих от этой организации, называя её «опасной». Прочитав эту статью, Бакунин решил написать ответ, который и был напечатан в виде брошюры под заглавием: «Ответ одного интернационалиста Джузеппе Мадзини».

В этой брошюре Бакунин отдаёт должное революционной деятельности Мадзини и называет его «наиболее благородной и наиболее чистой личностью нашего века». «С тяжелым сердцем, говорит Бакунин, я решился вступить в полемику с Мадзини, которого уважаешь и любишь даже тогда, когда с ним борешься» ...

Мадзини упрекал социалистов в том, что они материалисты, и атеисты, на это обвинение Бакунин отвечал:

«Я не могу это опровергнуть, потому что это правда... Материалисты, всегда сообразуя свои социальные теории с реальным историческим развитием, рассматривают животное состояние, людоедство, рабство, как первые отправные точки прогрессивного движения общества, – тогда как идеалисты, признающие основой своих теорий существование бессмертной души и свободы воли, неизбежно приходят к обожествлению существующего порядка как, например, Тьер, и к обожествлению власти, как Мадзини, то есть к обречению людей на вечное рабство... Вчера, на ваших глазах, на какую сторону стали материалисты и атеисты? Мы их видим в Парижской Коммуне. Где же в это время были идеалисты и верующие в Бога? В Версальском Учредительном Собрании. Чего добивались парижские коммунары? Освобождение труда и через это освобождения всего человечества. Чего же

хочет теперь торжествующее версальское собрание? Угнетения человечества под двойным игом – светской и духовной власти».

Защищая парижский пролетариат и Интернационал, Бакунин пишет:

«Мадзини переходит в своих нападках всякие границы. Всегда искренний и воодушевленный идеализмом, он совершил ныне два преступления, который в моих глазах, а также и в глазах всей европейской социалистической демократии, непростительны.

В критический момент, когда геройский парижский народ избивался десятками тысяч вместе с женщинами и детьми за то, что он защищал дело гуманности, дело справедливости, великое дело освобождения трудящихся целого мира, в этот момент, когда подлая реакция выливает на парижский народ целые потоки лжи и клеветы, Мадзини, великий и чистый демократ, поворачивается спиной к делу пролетариата, забывает свою роль пророка и апостола, и, в свою очередь, также выступает со своим порицанием...

С тех пор, как Мадзини занимается общественной деятельностью, он неустанно твердил итальянским рабочим и пролетариату всей Европы свою проповедь: «будьте нравственны, любите Бога, примите нравственный закон, который я даю во имя его, помогите мне установить на земле республику, основанную на объединении разума и веры, божественной власти и человеческой свободы, и вы достигнете счастья, свободы и равенства».

Социализм, наоборот, говорит рабочим, устами Интернационала:

«Экономическое подчинение трудящихся обладателям сырых продуктов и орудий труда является источником рабства во всех его видах: социальной нищеты, морального вырождения, политического подчинения и т. д.

Вследствие этого, экономическое освобождение рабочих классов представляет ту великую цель, которой всякое движение политическое должно быть подчинено как простое средство».

Такова основная идея Интернационала.

Само собой разумеется, что Мадзини должен был её предать проклятию, – это его второе преступление».

Брошюра Бакунина произвела в Италии большое впечатление. Мадзини не решился выступить против Бакунина и только в газете «Итальянское Единство» было напечатано в августе и сентябре несколько статей против Бакунина; об этом мы скажем несколько слов в одной из следующих глав, теперь же перейдем к швейцарским делам.

Выше мы уже говорили, что член Главного Совета Интернационала, Робен, выяснил в Главном Совете подлинность двух писем Главного Совета о признании Альянса и узнал, что после этого в Главном Совете не поднимался вопрос об исключении секции Альянса из Интернационала. Ответ Главного Совета Робен сообщил Федеральному Комитету в Сент-Имье и бывшему Федеральному Комитету в Женеве. Вместе с этим Робен сообщал швейцарским секциям, что в скором времени в Лондоне предполагается созвать международную конференцию вместо общего конгресса. Получив извещение от Робена, Федеральный Комитет в Сент-Имье решил послать в Лондон на конференцию своего делегата с докладом о том, что произошло на конгрессе в Шо-де-Фоне и просить Главный Совет признать федеральный совет в Сент-Имье как правомочный и законно-избранный большинством конгресса. Чтобы пойти на уступки Главному Совету и снова не поднимать вопроса об Альянсе социалистической демократии, некоторые представители юрских секций написали секретарю женевской секции Альянса предложение такого рода: ввиду того, что Главный Совет признал, что Альянс был принят в Интернационал и до сих пор не исключён и, таким образом, за секцией Альянса признано законное право на существование, не лучше было бы распустить теперь секцию Альянса, дабы в будущем вопрос об Альянсе не мог бы послужить новым поводом к распрям и расколу; членам же секции Альянса войти в соответствующие секции Интернационала. Таким образом вопрос был бы исчерпан.

Получив письмо с этими предложениями, Бакунин не согласился с изложенными в нем доводами и написал членам секции Альянса следующее письмо:

6-го августа 1871 года, Локарно.

«Товарищам секции Альянса в Женеве.

Друзья и братья!

Мои друг Джеймс написал мне, что он послал Вам письмо Робена, (я прошу вас немедленно переслать это письмо мне), в котором Робен пишет, что не только над нашей секцией Альянса, но над всей Юрской Федерацией собирается большая гроза, тщательно подготовляемая нашими женевскими врагами с согласия немецких авторитарных коммунистов.

Обеспокоенный этой новостью, друг Джеймс, который послал вам в это же время акт Главного Совета, признающий законность нашей секции, дает совет воспользоваться этим заявлением Совета для того, чтобы произвести то, что называют мастерской штукой, и что, по-моему мнению, было бы актом непростительной слабости. Он предлагает добровольно распустить и закрыть нашу секцию, и просить, после этого великодушного самоубийства, быть принятыми в члены центральной секции Интернационала...

Без сомнения, акт роспуска секции Альянса был бы встречен с радостью членами центральной женевской секции, так как они увидали бы в этом поступке публичное сознание в наших предполагаемых ошибках, и отказ от наших принципов. Ваша просьба о том, чтобы вас приняли в секции Интернационала, встретила бы, я клянусь вам в этом своей

головой, следующий ответ: «мы согласны принять в свою среду наших заблуждавшихся и наказанных братьев из Альянса, но за исключением Перрона, Жуковского, Бакунина и Сутерланда, которые были исключены по суду из членов центральной секции благодаря их проступкам. Быть может они скажут, чего я не думаю, что нам они могут дать амнистию, но, в действительности, они не перестанут ненавидеть нас. Но, если бы они и амнистировали нас, я никогда не принял бы этой амнистии. Их интриги и их клеветы против меня были настолько гнусны и подлы что я никогда не соглашусь получить от них прощение так как, в действительности, не меня они должны прощать, а у меня просить прощение.

Пусть не говорят мне, что я должен принести жертву ради блага и успокоения самого Интернационала. Никогда благо чего-либо не может быть достигнуто при помощи подлости. Мы не имеем права склоняться перед ними, потому что, уступая им, мы унижаем наше дело и наши идеи, и чтобы сохранить видимость мира в Интернационале мы должны будем пожертвовать для этого правдой и нашими принципами.

Вообще я думаю, что не путем уклончивой политике и христианского смирения мы можем восторжествовать над нашими противниками и принести пользу Интернационалу, но лишь твёрдой и открытой поддержкой и защитой нашего права. Разве наше право не ясно? Разве мы не подвергались вот уже более года всевозможным нападкам, интригам, клеветам, отвечая на всё это молчанием? Наше молчание было большой ошибкой с нашей стороны, а наше решение о закрытии секции Альянса будет постыдным самоубийством.

Я вам предлагаю вместо закрытия секции следующий план действий:

1) Нужно составить и послать Федеральному Комитету в Сент-Имье, – единственный орган: Романской Федерации, который мы можем признать, – особую *Оправдательную Записку*, проект которой я уже набросал и частью послал Джеймсу. На днях я пошлю ему и окончание. Моя записка вышла немного длинная, но в ней содержатся все существенные пункты нашей защиты и Жуковскому или Перрону будет легко её сократить. После этого, когда мы, таким образом, восстановим нашу правоту, докажем наше право, можно объявить, если это вы найдете нужным, – я сам лично не вижу в этом необходимости, – о том, что для блага Интернационала вы решили распустить секцию Альянса; но это нужно сделать никак не раньше того, когда Альянс будет признан или на конгрессе, или на Лондонской конференции, и когда будет открыто заявлено, что нападки на Альянс были несправедливы.

2) Но может ли и должна ли сделать точно также федерация горных секций? Должна ли она точно также распустить себя, чтобы подчиниться деспотической власти женевского федерального Комитета и уступить перед Утиным, Перре, Беккером и компанией? Мне кажется, что поставить этот вопрос – значит уже решить его. Потому что это всё равно, что спросить: следует ли под предлогом единства (видимого) в Швейцарском Интернационале пожертвовать своей индивидуальностью и отказаться от своих мыслей?

На это я вам повторю то, что я уже писал Гильому. Подобная жертва была бы добровольной низостью, но нисколько не обязательной.

Наконец, мои дорогие друзья, думаете ли вы, действительно, что Интернационал является такой организацией, в которой, для того, чтобы жить, дышать и действовать, необходимо прибегать к дипломатии, к интригам и к низости? Если бы так было в действительности, Интернационал не стоил бы ни гроша; в этом случае его следовало бы как можно скорее распустить как учреждение буржуазное или пропитанное буржуазным духом. Но, этого упрёка нельзя сделать Интернационалу. Не Интернационал стал плохим, а мы сделали слабы и нерешительны. Мы, в сознании нашей правоты, всё время молчали как благоразумные мученики, тогда как мы должны были бы вывести наших клеветников на чистую воду и на удары ответить ударами... Точно также и федерация Юрских секций, к несчастью, стала проводить политику Господа нашего Иисуса Христа, политику терпения, добровольного смирения и прощения оскорблений. Но это разве тронуло наших врагов? Нисколько. Они лишь воспользовались этим только для того, чтобы больше клеветать и поносить. Не служит ли это доказательством, что пора оставить эту христианскую политику. Что же нужно делать? спросите вы. Только одно – возобновить нашу борьбу. Не бойтесь убить этой борьбой Интернационал. Если что-нибудь и может его убить, то это именно дипломатия и интриги, тайные, планы, которые теперь составляют против нас наши враги не только в Женеве, но и в Лондоне. Открытая борьба придаст Интернационалу силу и жизнь, потому что в открытой борьбе в столкновении будут замешаны не только личности, но и принципы и идеи: борьба будет происходить между авторитарным коммунизмом и революционным социализмом.

Поэтому я предлагаю федеральному Комитету в Сент-Имье, после того как он получит вашу оправдательную записку, составит со своей стороны, особый доклад, где он должен рассказать все факты и события, происшедшие на конгрессе в Шо-де-Фоне и после него, и таким образом он докажет правоту Федерации Юрских секций.

а) Этот доклад должен будет быть послан в Лондон, а копии с него в Бельгию, Италию, Испанию, Францию и в Германию.

б) Федеральный Комитет в Сент-Имье должен обратиться к Бельгийской центральной секции Интернационала с просьбой быть третейским судьей в разборе этого дела.

с) Наконец, так как в Лондоне вскоре должна собраться Конференция, или своего рода анонимный и дружеский конгресс, то необходимо, чтобы юрцы послали туда своего делегата; этим делегатом, по моему мнению, должен быть Джеймс Гильом. Сколько будет стоить поездка? Четыреста франков? И постараюсь найти по меньшей мере двести; я уже написал об этом своим русским и итальянским друзьям. Вы тоже что-нибудь соберете. Мне кажется необходимым, чтобы Гильом поехал в Лондон. По дороге туда он заедет в Брюссель, где он переговорит обо всём с бельгийцами. Итак, мои дорогие друзья, я твёрдо убеждён, что если Гильом поедет в Лондон, он одержит там победу... Наши враги будут в буквальном смысле слова раздавлены, потому что справедливость на нашей стороне и их интриги действительно только в потёмках, но не при свете дня.

Наконец, моё последнее слово: перестанем стыдиться самих себя, нашей правоты, наших идей; не будем иметь вид просящих прощение за то, что мы существуем; не станем больше унижаться под тем предлогом, что этим самым мы спасаем единство Интернационала; не

будем убивать душу этого Интернационала под предлогом, чтобы сохранить живым его тело. Не будем искать силу в хитрости и в дипломатии, где мы явимся всегда более слабыми, потому что мы не жулики. Будем бороться и сражаться во имя наших идей.

Ваш друг и брат

М. Бакунин»

В тот самый день когда Бакунин писал это письмо своим женевским друзьям, членам секции Альянса, – секция с ничем необъяснимой поспешностью, созвала общее собрание, на которое собрались некоторые французы-эмигранты, коммунары; после речи секретаря секции Жуковского, рассказавшего подробно историю возникновения Альянса, собрание постановило распустить секцию. Жуковский не счёл нужным немедленно же сообщить об этом факте ни Бакунину, ни Федеральному Комитету в Сент-Имье. Бакунин узнал о том, что секция Альянса в Женеве больше не существует лишь неделю спустя после её закрытия из письма своего друга Озерова.

По настоянию Гильома, узнавшего о закрытии секции от Жуковского, Жуковский решил уведомить о факте роспуска Альянса Главный Совет Интернационала, сообщив ему резолюцию по этому поводу, принятую общим собранием 6-го августа.

10 го августа Жуковский послал в Лондон, на имя Юнга письмо следующего содержания:

«Гражданину секретарю по делам Швейцарии в Главном Совете Интернационала.

Гражданин!

Альянс социалистической демократии уполномочил меня уведомить вас о получении письма Главного Совета, от 25-го июля 1871 года – признающего подлинность писем, адресованных Альянсу гражданами Эккариусом и Юнгом, и подтверждающего, что после 25-го августа 1869 года Главный Совет не предпринимал никаких мер, чтобы распустить Альянс как секцию Интернационала, –

Вместе с сим прошу вас, дорогой гражданин, передать Главному Совету прилагаемую при сём декларацию, согласно которой Альянс социалистической демократии выявляет себя распущенным.

Прошу вас, гражданин, уведомить меня о получении вышесказанной декларации, адресуя письмо на моё имя по адресу: Пре-л'Эвек, 40, Женева.

Примите, гражданин, мой братский привет.

Секретарь Н. Жуковский».

Резолюция о роспуске секции Альянса была составлена в следующих выражениях:

«Настоящая декларация составлена для того, чтобы положить конец всем интригам и клеветам против Альянса;

Чтобы сделать их невозможными в будущем;

Чтобы не служить причиной разъединения, которое существует между женевскими секциями и секциями юрских гор, – разъединения, которое имеет основанием различие взглядов на принципы интернационализма;

Альянс социалистической демократии как секция Интернационала объявляет себя распущенным. Члены бывшего Альянса не отказываются этим самым от своей программы; они не могут отказаться от неё до тех пор, пока не будет выработана другая программа более социалистическая и более революционная».

Одновременно с этим Жуковский написал такое же письмо с извещением о роспуске секции Альянса и Федеральному Комитету в Сент-Имье, но это письмо почему-то осталось не посланным и Федеральный Комитет узнал о том, что секция Альянса больше не существует только частным образом.

Федеральный Комитет решив послать делегата на Лондонскую конференцию, счёл нужным предварительно написать письмо на имя Главного Совета; письмо было послано 6-го августа; в нём Федеральный Комитет просил установить регулярные сношения и сообщать, как это делается по отношению ко всем другим федеральным комитетам, о всех решениях Главного Совета. Это письмо было оставлено Главным Советом без ответа. Ввиду этого, а также и благодаря стеснённым материальным обстоятельствам, Комитет решил не посылать делегата в Лондон, а ограничиться следующим письмом, посланным 4-го сентября:

«Членам Международного Товарищества Рабочих, собравшимся на конференцию в Лондоне.

Товарищи!

С тяжёлым прискорбием мы вынуждены вам сообщить, что со стороны тех, на которых лежит обязанность способствовать развитию нашего товарищества, наблюдается несправедливое отношение к целой Федерации Интернационала.

6-го августа сего года, мы сообщили Главному Совету через посредство секретаря по делам Швейцарии Германа Юнга о перевыборе нашего Федерального Комитета и просили Главный Совет войти с нами в регулярные сношения. Но, на наше письмо мы не получили никакого ответа.

Теперь мы случайно узнали, что на 17-ое сентября в Лондоне назначено открытие экстренной Конференции Интернационала. Главный Совет был обязан уведомить об этом все областные группы: мы совершенно не можем объяснить, почему он хранит упорное молчание по отношению к нам. Несмотря на это мы хотели было послать в Лондон нашего делегата, но большие экстренные расходы на выполнение священной обязанности[71] исчерпали наши слабые средства.

Видя невозможность послать в Лондон делегата, мы решили представить на конференцию особый подробный доклад о происшедшем расколе среди швейцарских секций, но, мы слишком поздно узнали о том, что в Лондоне назначена конференция и поэтому мы не смогли приготовить доклад. Таким образом, мы вынуждены отказаться от всякой мысли оправдаться от тех нападков, которые, без сомнения, будут сделаны на нас.

Однако, мы не сомневаемся, что конференция, как и всякое собрание Интернационала, будет проникнуто духом справедливости, и поэтому мы не хотим пропустить этот случай и решили искать справедливости.

Вот уже полтора года как мы существуем и всё это время мы являемся париями в Интернационале; это наказание мы несём за то, что на национальном конгрессе мы имели смелость представлять другое мнение, чем прежний состав Комитета. Главный Совет встал на сторону прежнего федерального совета и с этого момента целая область Романской Швейцарии была лишена сообщений от Главного Совета. Мы надеемся, что Конференция обсудит дело и выскажет своё мнение по этому поводу, и поэтому мы позволяем себе обратить внимание Конференции на следующие пункты:

- 1) Было бы противно самой элементарной справедливости осудить целую Федерацию, не дав ей возможности защищаться.
- 2) Решение, уничтожающее все права нашей Федерации, будет иметь самые отрицательные результаты для существования Интернационала в нашей области.
- 3) Мы считаем, что окончательное решение по вопросу о расколе в Романской Федерации может вынести лишь законно созванный общий конгресс.

Мы доказали своей деятельностью нашу искреннюю преданность Интернационалу и желая и в дальнейшем посвятить ему все наши силы, мы решаем поднять свой голос и просим, чтобы уполномоченные Интернационала не совершили бы ошибку, которая может принести вред самому Интернационалу.

Вследствие всего этого, мы просим Конференцию поручить Главному Совету, чтобы он предпринял серьёзную анкету о том, что произошло в Романской Федерации. Эта анкета помогла бы будущему общему конгрессу установить справедливость...

То, что мы требуем – это акт правосудия и мы глубоко убеждены, что Конференция не откажет нам в этом. Мы горячо желаем, чтобы её постановления способствовали процветанию Интернационала.

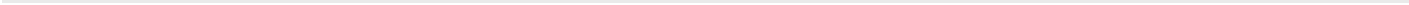
Примите, товарищи, наш братский привет.

Принято на заседании 4-го сентября 1871 году.

За Романский Федеральный Комитет (в Сент-Имье)

Секретарь Адемар Швицгебель,

гравер, в Сонвилье (Бернская Юра. Швейцария)».

Версия #3

██████████ ██████████ создал 22 июня 2025 00:20:03

██████████ ██████████ обновил 22 июня 2025 00:59:14